

Студенчество Харьковского университета первой половины XIX в.: трансфер и адаптация европейской университетской традиции*

Григорьева М. В.

Григор'єва М. В. Студентство Харківського університету першої половини XIX ст.: трансфер і адаптація європейської університетської традиції. В статті аналізується сприйняття харківськими студентами західних ідей за наступними напрямками: через іноземних професорів, через місцевих професорів, що побували у закордонних відрядженнях, через власні закордонні поїздки, через літературу. Автор доходить висновку, що адаптація західних ідей виявлялася у виборному началі студентських організацій, позичанні ними форм роботи закордонних об'єднань подібного роду, поведінці університетської молоді та її звичках.
Ключові слова: студентство, корпорація, трансфер, адаптація.

Grigorieva M. W. Students of the Kharkov university of first half XIX c.: Transfer and adaptation of the European university tradition. The article highlights the Kharkiv students perception of Western ideas in the following areas: through Foreign professors, by local professors, who visited the foreign mission, through its own foreign travel, through literature. The author reaches the conclusion that the adaptation of Western ideas was presented in the electoral beginning student organizations, lending them the work of foreign organizations of this kind, the behavior of students and its practices.
Key words: students, corporation, transfer, adaptation.

Термин "корпорация" имеет многовековую историю, тесно связанную со становлением европейских университетов. В средние века студенческие корпорации вынуждены были отстаивать независимость своих университетов не только от мощных местных епископатов, но и от сословий дворян, крестьян и бюргеров. К моменту основания университетов в Российской империи студенчество западноевропейских университетов имело устойчивые традиции корпоративной жизни. И в данной ситуации представляется вполне естественным, что российские студенты воспринимали и заимствовали эти традиции.

* Статья написана в рамках проекта «Ubi universitates, ibi Europa» («Трансфер и адаптация университетского образования России второй половины XVIII – первой четверти XIX века»)

Между тем, в историографии эта проблема рассматривалась лишь эпизодически. Применительно к Харьковскому университету более или менее подробно ее касался лишь известный историк Слобожанщины Д. И. Багалей¹.

Восприятию западных идей способствовала сама специфика студенчества как особой социальной группы. Эта специфика определяется особенностями жизни, труда и быта, социального поведения и социально-психологических характеристик университетской молодежи². Здесь стоит напомнить, что социальной значимой чертой студенчества является напряженный поиск смысла жизни и стремление к новым идеям³. Годы пребывания в высшем учебном заведении являются серьезным и важным этапом становления личности молодого человека. В этот период выявляются таланты, усовершенствуется интеллект, расширяется круг познания, приобретается профессия⁴. Именно поэтому студенты являются наиболее открытыми для восприятия всего нового. По словам известного ученого Карла Маннгейма молодежь является «потенцией, готовой к любому начинанию»⁵. Для молодежного сознания характерна повышенная степень эмоциональности⁶. А это свидетельствует не просто о широких возможностях восприятия всего нового, но и о его глубоком проникновении в сознание молодых людей.

Восприятие западных идей харьковскими студентами осуществлялось по нескольким направлениям: через иностранных профессоров, через побывавших за границей харьковских профессоров, через собственные заграничные вояжи, через иностранную литературу, через почерпнутую из газет и журналов информацию.

В первую очередь остановимся на отношениях университетской молодежи с иностранными профессорами. Нельзя сказать, что восприятие студентами этой группы преподавателей было однозначным. Все зависело от личности того или иного профессора. Университетской молодежи нравились, в первую очередь, живые, энергичные лекторы, обладавшие даром красноречия.

Так, по свидетельству мемуариста Л. Ничпаевского, студенты были "в восторге" от профессора Брандгейса и "сочувствовали ему во всех его идеях"⁷. Очевидно, эти идеи сосредотачивались отнюдь не только в учебной и научной сферах.

Для сравнения отметим, что мемуарист 30-х годов Д. П. Хрущов оставил достаточно жесткую характеристику другого профессора: «Психологию нам читал в первом курсе идиот Гренберг»⁸.

Серьезным барьером для общения харьковских студентов с иностранными профессорами была языковая проблема, - далеко не все студенты хорошо владели иностранными языками, точно так же и иностранные профессора не всегда могли свободно изъясняться на русском.

А. Г. Розальон-Сошальский, обучавшийся в Харьковском университете до 1816 г., писал в своих воспоминаниях, что в этот период «знание языков было для студентов почти необходимо, потому что некоторые науки преподавались профессорами-иностранцами на латинском, французском и немецком языках»⁹.

Языковая проблема часто оставалась неразрешимой как для профессоров, так и для студентов. Отметим, что значительная часть иностранцев даже после многих лет пребывания в Харькове так и не изучила русский язык. Причем достаточно часто таких профессоров даже не волновало, понимают ли их студенты. Однако встречался и другой подход. Так, немецкий профессор Маурер, не владевший русским языком, "чувствуя бесплодность своего добросовестного усилия, счел за лучшее удалиться, оставив почву неблагоприятную".

Следует сказать, что студенты Харьковского университета также далеко не всегда проявляли рвение к изучению языков. Об этом можем судить из воспоминаний бывших студентов, чаще всего выразивших неудовольствие иностранными профессорами, но практически не упоминавших о своем незнании языков, которое, безусловно, имело место.

Но все же существовала и определенная часть студентов, проявлявших успехи в изучении языков. В частности, изучением языков старательно занимался Н. И. Костомаров. Особенно он был увлечен французским, читал в оригинале произведения В. Гюго, и, прежде всего, «Собор Парижской Богоматери», известный по трудности перевода¹⁰. Той части университетской молодежи, которая хорошо знала иностранные языки, было намного проще общаться с иностранными профессорами. Так, А. Г. Розальон-Сошальский писал о том, что общение его брата Федора с профессором Гизе происходило исключительно на немецком языке. Причем брат его настолько был увлечен профессором, что "его даже дразнили Гизом"¹¹.

Общение таких студентов с иностранными профессорами не ограничивалось рамками университетских аудиторий. Часто оно носило неформальный характер. Так, Л. Ничпаевский писал о том, что студенты часто ходили домой к профессору Делявину с гербариями, для определения названий собранных ими растений¹². Кроме того, иностранные профессора, как и российские, имели своих пансионеров.

На восприятие западных профессоров харьковскими студентами влияли события мировой политики, носившие глобальный характер. Увлеченность студентов западными идеями, достаточно устойчивая в первые годы существования университета, начинает уменьшаться после войны с Наполеоном. После 1812 г. в среде студенчества, как и во всем обществе, нарастает негативное отношение к иностранцам, причем не только к французам, но и к представителям других национальностей. Нашествие Наполеона и гибель Москвы настроили харьковских студентов на патриотический лад, вследствие чего в 1813 г. ими были написаны два

литературных произведения – «Песня на освобождение царствующего города Москвы» (автор Степан Юшков) и «Отзыв о патриотизме русских» (автор – студент Павлов)¹³. Нелюбовь харьковских студентов по отношению к иностранцам после войны с Наполеоном выражалась не только в творчестве, но и в открытых столкновениях. Среди них можно назвать столкновение кандидата Глинского (русского) с лаборантом профессора Гизе кандидатом Шуманом (немцем), в процессе которого Шуман дал Глинскому пощечину, объяснив это тем, что отношение русских к иностранцам стало настолько жестким, что его просто невозможно терпеть. Итогом разбирательства стало наказание Шумана – присуждение выплаты штрафа в размере его двойного годичного оклада (600 руб.). После войны с Наполеоном количество иностранных профессоров в Харьковском университете уменьшилось, и, следовательно, снизилось количество их контактов с харьковскими студентами. По свидетельству мемуариста Л. Ничпаевского, уже в 20-е годы XIX в. "иностранцы составляли меньшинство, не имевшее никакого на дела влияния"¹⁴. Между тем, по его же словам, в это время в университете существовали "предания" об иностранных профессорах, преподававших в учебном заведении в предыдущий период¹⁵.

На этом и следующих этапах трансляцию западных идей все в большей степени стали осуществлять побывавшие за границей российские профессора. Именно эта группа молодых, энергичных преподавателей, увлеченных западными идеями и умеющих преподнести их широкой студенческой аудитории, особенно привлекала университетскую молодежь. С течением времени эта тенденция проявлялась все более четко. Мемуарист В. Пашков отмечал, что в сороковые годы XIX в. в среде харьковской университетской молодежи с особенной силой проявлялся идеализм, пропагандистами которого выступали побывавшие за границей профессора (Лунин, Валицкий, Срезневский, Степанов и другие). "Университет, литература и западное влияние имели сильное воздействие на идеальное направление молодежи и общества сороковых годов" – писал В. Пашков¹⁶.

Приверженность к западноевропейским идеям среди харьковских студентов в значительной степени выражалась в их литературных пристрастиях. В частности, на студента Харьковского университета 30-х годов Д. П. Хрущова сильное впечатление произвела книга Л. Ф. Гизо "Цивилизация Европы". "Книгу эту я прочел с величайшей жадностью в один день, - вспоминал Д. П. Хрущов, - и предо мной поднялась завеса, за которою открылось величественное здание новой Европы. С тех пор в истории человечества для меня все сделалось ясно, и в моем дальнейшем учении и образовании я пошел по ровному, твердому, верному пути". Другой мемуарист, студент Харьковского университета 30-х годов С. Л. Геевский, вспоминал о том, что они с товарищем любили поговорить «О Шиллере, о славе, о любви»¹⁷.

В фондах Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина находим ряд относящихся к рассматриваемому периоду изданий на иностранных языках, в том числе посвященных истории образования в Западной Европе. Это дает возможность сделать вывод о том, что студенты имели доступ к данным изданиям, через которые также вполне могла осуществляться трансляция университетских традиций.

Приверженность харьковских студентов к западным идеям проявлялась и во внешних признаках. Так, студенты брали платные уроки танцев, обходившиеся им примерно по 1 р. за урок. В основном, как понимаем, они разучивали западноевропейские танцы, и, в частности, французскую кадрили. Кроме того, признаки приверженности западным традициям встречались и в студенческой моде – в частности, до 1826 г. некоторые студенты носили длинные, широчайшие, без рукавов плащи, одну полу которых забрасывали на плечо, наподобие римских тог. При этом университетская молодежь, слепо копировавшая иностранных профессоров, не задумывалась о том, что подобные плащи были признаком принадлежности к масонам. Наряду с этим отметим, что, в частности, мемуарист Л. Ничпаевский считал "склонность к кутежам и оригинальным поступкам" "своей русской чертой"¹⁸. Между тем, до момента основания университета в Харькове мы не имеем никаких свидетельств о "волнениях" и "беспорядках" среди молодежи.

Отметим, что часто студенты достаточно поверхностно знакомились с западными идеями. Так, по мнению мемуариста Ф. К. Неслуховского «все рассуждали о Гегеле, Фихте, Шеллинге, но, в сущности, мало кто понимал их труды. Отвлеченные умозрения, при неясном их понимании, сливались в какую-то туманную пелену и тяжело ложились на мозг».

Между тем, в целом, как писал мемуарист Ф. К. Неслуховский, в начале XIX в. "среди молодежи университетской обнаружилось сильное умственное движение под влиянием идей, господствовавших в Германии"¹⁹.

Как видим, круг возможностей харьковских студентов для восприятия западных традиций университетской жизни был достаточно широким. При этом нельзя забывать о том, что такое восприятие могло быть как прямым (заграничные стажировки студентов, знакомство с иностранной литературой), так и опосредованным, когда университетская молодежь знакомилась с западными идеями и традициями через посредничество профессоров (как иностранных, так и харьковских), а также через российскую публицистику.

Восприятие харьковскими студентами таких идей и традиций приводило к их воплощению в среде университетской молодежи. Об этом свидетельствуют зарождающиеся традиции корпоративной жизни.

Поведение студентов регламентировалось соответствующими правилами. В Харьковском университете такие правила были изданы в 1806, 1807, 1809, 1812, 1820 годах. Однако, к сожалению, текст большинства из них не сохранился. Мы имеем возможность познакомиться лишь с правилами 1807 и 1820 годов, приведенными в книге Д. И. Багаля "Опыт истории Харьковского университета". Правила 1807 г., по мнению Д. И. Багаля, устанавливавшие среди студентов «строгую дисциплину», были составлены профессором и инспектором студентов Баллен де Баллю²⁰. Согласно этим правилам, студенты должны были посещать богослужения, ответственно относиться к учебе, соблюдать порядок как в университетских стенах, так и за их пределами. Студентам запрещались «картежная игра и всякие азартные игры», пьянство и другие действия, которые могли нарушить общественный порядок. Известно, что к составлению новых правил для студентов был приглашен проф. Л. К. Якоб.

Автором правил для студентов 1820 г. стал инспектор студентов проф. Дудрович. Отметим, что данные правила в содержательном отношении практически не отличались от правил 1807 г. Между тем, литературный стиль, которыми они были составлены, имел более назидательный, нравоучительный характер, чем в предыдущем случае.

Следует сказать, что до 1826 г. поведение студентов Харьковского университета было менее регламентировано, чем в последующий период. В 1826 г. году новый ректор университета И. Я. Кронеберг писал в обращении к попечителю Перовскому: «Корпус казеннокоштных студентов нашел я в совершенном беспорядке и омерзительной неопрятности... Студенты поведения не совсем похвального, в обращении грубы, в одежде и белье неопрятны...». В связи с таким положением вещей ректор предложил принимать в университет на основании свидетельства «о действительной бедности и благонравии просителя», что и было воплощено в действительность в скором времени²¹.

Отметим, что нравы определенной части харьковских студентов действительно были далеки от образцовых. О них мемуарист Л. Ничпаевский писал: "При такой свободе за студентами водились шалости, даже очень крупные; а за крупные шалости полагались и наказания не мелкие"²².

Среди студенческих беспорядков в Харькове можно выделить беспорядки в театре, имевшие место 25 ноября 1817 г., когда более 30 студентов университета при входе полицмейстера в театр начали аплодировать и громко кричать, вследствие чего спектакль был сорван²³. Беспорядки повторились еще через некоторое время, вследствие чего харьковским студентам вообще запретили посещение театра. Среди студентов имело место и пьянство. В частности, из-за него из университета был исключен студент Башинский, позднее раскаявшийся и вновь принятый в стены alma mater. Между тем, долго

продержаться без спиртных напитков студент не смог и снова был исключен, на этот раз безвозвратно²⁴. Возможно, уже в это время в харьковской среде укоренилось представление о студенческой жизни как о жизни разгульной. Так, А. Н. Стоянов упоминал о существовании в 1840-е годы "дебелых легенд о немецких буршах"²⁵.

В целом, можно говорить о том, что введение более жесткой политики по отношению к студентам в значительной степени было вызвано поведением самой университетской молодежи. Как писал в своих воспоминаниях И. И. Боровиковский: "отнято (было) у нас самоуправление, которым мы не умели пользоваться"²⁶.

Между тем, следует сказать, что введение более строгой политики по отношению к студентам не смогло свести на нет все "вольности", инициаторами которых выступали представители университетской молодежи. К слову, ужесточение правил, по свидетельству Л. Ничпаевского, "не нравилось многим, особенно пожилым, профессорам, а о студентах и говорить нечего"²⁷.

Безусловно, далеко не все студенчество было склонно к участию в беспорядках и всевозможных вольностях. Скорее, в них принимали участие обеспеченные студенты, не задумывавшиеся о будничных проблемах и своем будущем. Но существовала и значительная часть студентов, которая пришла в университет, в первую очередь, для получения образования, которое должно было открыть путь для их дальнейшей карьеры. Такие студенты не принимали участия ни в попойках, ни в театральных беспорядках, ни в каких бы то ни было других действиях, нарушавших общественный порядок. О том, что именно эта часть университетской молодежи была в большинстве, свидетельствуют мемуаристы. Так, профессор Венедиктов, который был казеннокоштным студентом до 1819 г., следующим образом описывал нравы университетской молодежи: «Студенты жили тихо, скромно, всегда дома, знакомых в городе посещали редко, да и приличного платья у них не было»²⁸. Похожие воспоминания оставил и студент, подписавшийся псевдонимом Н., обучавшийся в Харьковском университете в конце 20-х - начале 30-х годов: «В своей домашней жизни студенты довольствовались весьма немногим... Не водилось тогда ни пиров, ни каких-либо изысканных угощений между студентами, но весьма редко и почти у каждого из них (кроме отъявленных скряг, каких было немного) предлагались приятелям то чай и закуски, то вино и водка... студенты от души веселились в дружеском кругу своем...»²⁹. О том, что харьковская университетская молодежь не имела устойчивых корпоративных традиций, писал Н. И. Костомаров: «О характере студенческой корпорации того времени можно заметить, что она не имела крепкой солидарности; кроме слушания лекций не было между студентами взаимных интересов»³⁰. Интересно описание харьковских студентов, оставленное немецким профессором К. -Д. Роммелем: "Почти все студенты, среди которых благодаря своей умелости и решительности,

своему поэтическому таланту выделялись молодые и красивые донские казаки, видели в университетском обучении ступени к высшему классу службы или ранга"³¹.

Отметим, что университетская молодежь Германии также отнюдь не состояла исключительно из участников попоек и дуэлянтов, как это принято считать. Немецкие студенты делились на две приблизительно равные группы – студентов, являвшихся членами корпорации, и студентов, не участвовавших в объединениях. В этой связи интересно мнение, высказанное российским либеральным публицистом А. Пулятой, который характеризовал немецкие студенческие корпорации следующим образом: «Корпоративные студенты обычно франтят своей одеждой, прической, манерами, к ним принадлежат, преимущественно, люди богатые или обеспеченные, а к студентам некорпоративным – те, кто ощущает потребность... в получении знаний из практических, житейских соображений»³².

У студентов Харьковского университета рассматриваемого периода не было устойчивых традиций. Университетская молодежь Харькова первой половины XIX в., в основном, была разобщена между собой. Вместе с тем, мы не можем говорить о полном отсутствии корпоративной жизни в студенческой среде. Однако корпоративность харьковских студентов находилась на стадии формирования. Именно в это время университетская молодежь Харькова интенсивно впитывала в себя идеи и принципы студенческой корпоративности в западноевропейских университетах. Восприятие западных университетских традиций российскими студентами приводило к их практическому воплощению, проявлявшемуся в выборном начале студенческих организаций, заимствовании ими форм работы заграничных объединений подобного рода, поведении университетской молодежи и ее привычках. Между тем, на формирование студенческих традиций в Харьковском университете воздействовали и другие факторы, к которым, в частности, относилась государственная политика в области университетского образования, местные условия и т. д.

Примечания

¹ *Багалій Д. І.* Вибрані праці. Т. 3. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 1 (1805 – 1815 гг.). - Харків, 2005; *Багалій Д. І.* Вибрані праці. Т. 4. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 2 (1815 – 1835 гг.). - Харків, 2005.

² *Баландина Т. Ю.* Студенческое самоуправление как социокультурный феномен: социологический анализ: дисс. ... к.с.н.: 22.00.06 – Екатеринбург, 2006. – С. 49.

³ *Вітвицька С. С.* Основи педагогіки вищої школи: Методичний посібник для студентів магістратури. – К., 2003. – С. 96.

⁴ *Иконникова С. Н., Лисовский В. Т.* Студенчество как социальная группа // Человек и общество. Вып. 13. Проблемы интеллектуального и культурного развития студенчества. – Л., 1973. – С. 15.

⁵ Цит. по: *Яковенко А.* Вплив суспільних чинників на студентську молодь (мотиваційний аспект) // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2000. – №1. – С. 82.

⁶ *Черниш Н. Й.* Суспільна свідомість молоді. – Львів, 1990. – С. 76.

⁷ *Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 Т. Т. 1 /* Наук. ред. С. І. Посохов. – Харків, 2008. – С. 73.

⁸ *Там же.* – С. 167.

⁹ *Там же.* – С. 33.

¹⁰ *Багалій Д. І.* Вибрані праці. Т. 4. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 2 (1815 – 1835 гг.). – Харків, 2005. – С. 706.

¹¹ *Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 Т. Т. 1 /* Наук. ред. С. І. Посохов. – Харків, 2008. – С. 33.

¹² *Там же.* – С. 68.

¹³ *Багалій Д. І.* Вибрані праці. Т. 3. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 1 (1805 – 1815 гг.). – Харків, 2005. – С. 740.

¹⁴ *Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 Т. Т. 1 /* Наук. ред. С. І. Посохов. – Харків, 2008. – С. 66.

¹⁵ *Там же.* – С. 62.

¹⁶ *Там же.* – С. 270.

¹⁷ *Там же.* – С. 145.

¹⁸ *Там же.* – С. 84.

¹⁹ *Там же.* – С. 222.

²⁰ *Багалій Д. І.* Вибрані праці. Т. 3. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 1 (1805 – 1815 гг.). – Харків, 2005. – С. 864.

²¹ *Багалій Д. І.* Вибрані праці. Т. 4. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 2 (1815 – 1835 гг.). – Харків, 2005. – С. 773.

²² *Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 Т. Т. 1 /* Наук. ред. С. І. Посохов. – Харків, 2008. – С. 59.

²³ *Багалій Д. І.* Вибрані праці. Т. 4. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 2 (1815 – 1835 гг.). – Харків, 2005. – С. 811.

²⁴ *Багалій Д. І.* Вибрані праці. Т. 3. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 1 (1805 – 1815 гг.). – Харків, 2005.

²⁵ *Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 Т. Т. 1 / Наук. ред. С. І. Посохов. – Харків, 2008. – С. 363.*

²⁶ *Там же. – С. 91.*

²⁷ *Там же. – С. 61.*

²⁸ *Багалій Д. І. Вибрані праці. Т. 4. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 2 (1815 – 1835 гг.). – Харків, 2005. – С. 762.*

²⁹ *Там же. – С. 788.*

³⁰ *Там же. – С. 704.*

³¹ *Роммель К. Д. Спогади про моє життя та мій час. – Харків, 2001. – С. 114.*

³² *Пулята А. Очерки студенческой жизни в Германии // Рус. вестн. – 1879. – Т. 139. – №1. – С. 269.*

Профессора-иностранцы и местная среда в Харькове в начале XIX в.: взаимодействие и восприятие*

Иващенко В. Ю.

Иващенко В. Ю. Іноземні професора та місцеве середовище у Харкові на початку XIX ст.: взаємодія та сприйняття. Стаття присвячена аналізу культурного впливу іноземних професорів на місцеве суспільство у початковий період існування Харківського університету. Основна увага приділяється співставленню цілей і завдань, які ставили перед собою вихідці з європейських університетів зі сприйняттям їхньої діяльності позауніверситетським середовищем у Харкові, виявленню точок зіткнення іноземних учених із цим середовищем, з'ясуванню ступеню ефективності та шляхів трансформації західного досвіду в умовах харківського університетського простору.

Ключові слова: Харківський університет, університетський простір, позауніверситетське середовище, професора-іноземці, культурний вплив.

* Стаття підготовлена в рамках Міжнародного дослідницького проекту «Ubi universitas, ibi Europa» («Трансфер и адаптация университетского образования в России второй половины XVIII – первой четверти XIX в.»).